

И. А. ИЛЬИН

Корень зла

Трагическая судьба увлекает Россию. Свершается исторический рок, подводятся итоги наследственным грехам и вековым недугам, Великий и даровитый народ впервые раскрывает пред всеми и пред собою свое застарелое духовное увечие и пытается изжить его, предаваясь ему со всею беспомощностью ребенка. Никто не может помочь ему извне или со стороны; только *он сам*. Он выстрадает свое разложение и свое падение, опомнится, взалкает и возродится. В том порукою его немнимое величие и его подлинная даровитость.

Напрасно было бы сводить переживаемое ныне разложение России к ошибкам и провалам последних месяцев; коренные причины лежат гораздо глубже — в исторических путях и в строе духовной жизни. Самые ошибки порождены этими глубокими причинами; самые провалы явили только силу этих наследственных недугов.

Процесс, переживаемый ныне Россией, должен быть осмыслен как *органическое крушение самодержавия* и как *разложение созданного им уклада духовной жизни*. Этот строй и этот уклад породили *изувеченное и немощное русское правосознание*, которое не могло и не умело справиться с историческими и политическими испытаниями. Оно поколебалось в самых основах своих, изнемогло и разложилось; и в падении своем разложило всю политическую и общественную организацию страны.

Напрасно думать, что «все дело в войне» или «в революции». Война есть великое и грозное испытание; но это испытание оказалось все же по силам для многих других народов. Война есть напряженная борьба за *государственную независимость*, и эту борьбу народ может вести только тогда, если он сознает свое государственное единство, дорожит им и умеет подчинять ему всякий частный и классовый интерес. Народ, лишенный *государственного правосознания*, может создавать только *види-*

мость государства, и политическое единение его призрачно и эфемерно. Не война разложила Россию, а немощное и изувеченное правосознание народа.

Революция, страшаясь восемь месяцев тому назад, была совсем не «победою восставшего народа», а началом великого крушения — политического и духовного. Крушение началось сверху; рухнула крыша, венчавшая здание старого строя. Моральное вырождение властвующих верхов ускорило разложение их правосознания: воля верховной власти перестала быть орудием народного и государственного самосохранения; ее постиг паралич, и она исчезла в стремительном падении династии.

Но выковать новую верховную власть, создать «правительство государственного самосохранения», правительство народной самостоятельности — не смог, не сумел и народ. То, что было не по плечу старой власти, оказалось не по плечу и ему. Самодержавие оставило ему в наследие *изувеченное и немощное правосознание*, а с этим наследием нельзя ни учредить, ни оборонить, ни строить государство. Восемь месяцев толпился народ вокруг опустевшего трона царей, не зная, кому можно верить и кому повиноваться, расхищая по частям верховную власть и размножая узурпаторов и самозванцев. Взволнованная ненасытная толпа не внимала политическому разуму и государственной мысли; она искала не общего, а частного, не власти, а своеволия, не спасения родины, а корыстного прибитка; она тяготела к распылению, к фактическому захвату, к мести и слепой расправе.

И навстречу этому гибельному тяготению все время шли слои так называемой «революционной демократии» — полуинтеллигентные ненавистники старого гнета, доведенные им до утраты истинного патриотизма, но не выработавшие в себе даже начатков государственного правосознания. С их горестной помощью народ утрачивал постепенно всякую способность и всякую волю к правовой организации и превращался в *чернь*. Партийная агитация левых не могла дать народу того, чего не имели и сами партии: государственного смысла и любви к родине; а проповедь ненависти и «классового интереса» делала свое разрушительное дело.

Революционные демагоги — эти слепые вожди слепых — были не выше толпы и не понимали, что, превращая народ в *чернь*, они служат лишь *черной сотне*. Они превратили политическую борьбу в позорный аукцион, все надбавляя обещания, и русская государственная власть пошла с молотка. Трудно ли было предсказать, что последняя ставка останется за германофильской реставрацией?

То, что переживает ныне Россия, есть обнаружение воочию всенародного духовного недуга — недуга государственного правосознания. Этот недуг есть порождение и наследие самодержавного строя, и развитие его может роковым образом восстановить тот строй, от которого недуг ведет свое начало.

Сущность самодержавного строя сводится к *систематическому отлучению* «подданного» от *власти* и от *государственного дела*. И это отлучение подрывает в корне самую сущность *государства* и *правосознания*.

Отлучение «подданного» от государственной власти душист, уродует политическую жизнь народа. Ибо политическая жизнь не только не исчерпывается пассивным подчинением чужой воле, но прямо *исключает* такое подчинение. Сущность ее состоит в *самоуправлении*, при котором каждый осязает в законе присутствие своей воли и своего разума. Отлучение народа от власти ставит его во внеполитическое состояние: жизнь государства совершается где-то *над* ним, *вне* его, *помимо* его, и он узнает о ней только в порядке вынуждаемого повиновения. Государство возносится над народом и давит его как постороннее, чужеродное тело. Оно является не корпорацией, а *учреждением*, наподобие больницы или богадельни, но такой богадельни, которая заставляет призреваемых работать на себя. Народ воспитывается в *слепоте*: он или *слепо благоговеет* перед властью, или, озлобившись, *слепо ненавидит* ее. Он не понимает, что такое государственная власть, какова ее природа и в чем ее задача. Он видит во власти не ответственное бремя, а выгодное преимущество и, в сущности, не умеет *ни доверять* ей, *ни уважать* ее, *ни поддерживать* ее. Народ вырастает в *политической пассивности* и *государственном безразличии*. И в минуту испытания он оказывается поистине политически *недееспособным*.

Это отлучение от государственного дела убивает в народе всякий политический *смысл* и *разумение*. Народ не чувствует того общего *интереса*, который сковывает его в единство; и, не зная этого *общего* дела, он не творит и политического единения. Все, что ему доступно от государства, есть приказывающая и понуждающая *власть*, «начальство», возглавленное персоною монарха. Развенчание *этой* власти он испытывает как отмену *всякой* власти, как падение законных запретов и предписаний, как разнуздание частного своеволия. Идея самообязывания и личного самообуздания не живет в его сознании, и воля его не умеет породить к жизни новый *автономный порядок*. Правосознание его немощно и бессильно, и правовое самоопределение ему недоступно.

Сама любовь к родине живет у такого народа лишь в виде смутного и непросветленного инстинкта национального самосохранения, и явная — личная или классовая — корысть без труда подавляет и на время даже заглушает этот верный инстинкт. Слово «родина» не связывается ни с каким определенным духовным и политическим содержанием, а идея национальной независимости мало говорит душе полураба. Власть иноземцев страшит его не более, чем власть старого режима; а демагогическую подачку можно принять и из германских рук. Старый строй сделал все, чтобы заморить любовь к родине в душе своего подданного, сосредоточивая его внимание на монархе; мудрено ли, что охлаждение к монарху вызывает в народе падение патриотизма? Самодержавие умело связать собою идеи государства, власти, порядка и родины; и крушение его увлекает с собой на время все основы правосознания.

Россия разлагается потому, что самодержавный строй оставил народу в наследство изувеченную и немощную политическую волю. Он приучил нас всех повиноваться с проклятием на устах; но он не приучил нас участвовать в государственном деле, творить право, любить родину, уважать свою государственную власть и сливать свою судьбу с судьбою своего государства. Он положил начало той дезорганизации, которая губит оборону России; он подготовил ту политическую деморализацию, которая губит ныне русскую свободу. Трагическое разложение и распыление России есть *его* дело; тупое безразличие масс к судьбе родины есть *его* порождение; торжество корыстных и погромных лозунгов есть *его* наследие; растрепанность русского правосознания есть *его* вековое злодейство.

Ныне этот строй мечтает о возрождении под прикрытием крайней демагогии. Он отыскивает свои корни в том больном укладе духовной жизни, который был *им самим* изувечен. Он пытается спастись слепотою тех, кого он сам ослепил. Спастись — и погубить Россию.

Душа изнемогает от скорби и стыда при виде нашего великого крушения. Но из-за стыда и из-за скорби не угасает вера в наше грядущее возрождение. Русский народ выстрадает свое разложение и свое падение, опомнится, взалкает и возродится. В том порукою его немнимое величие и его подлинная духовная одаренность.

